

**НАЦИОНАЛЬНОЕ СВОЕОБРАЗИЕ РАССКАЗОВ С. Б. БАЛЫКОВА
«РАСТОПТАННЫЙ ТЮЛЬПАН», «У НЕЗРИМОЙ СТЕНЫ»**

National Originality of Stories by S. B. Balykov «The Crushed Tulip», «At the Hidden Wall»

*Д. Ю. Топалова (D. Topalova)*¹

¹ кандидат филологических наук, младший научный сотрудник отдела письменных памятников, литературы и буддологии Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН (Ph. D. of Philology, Researcher of the Written Monuments, Literature and Buddhology Department at the Kalmyk Institute for Humanities of the RAS). E-mail: delya.top@yandex.ru.

В статье рассматривается творчество одного из самых ярких представителей калмыцкой литературной эмиграции — Санжи Басановича Балыкова (1892–1943). Рассказы «Растоптанный тюльпан», «У незримой стены», написанные на русском языке, самобытны, оригинальны по своему художественному видению. В фокусе авторского внимания: исследование «изнутри» проблем народной жизни, национальной самобытности и традиционных ценностей национальной картины мира.

Ключевые слова: калмыцкая литературная эмиграция, национальная литература, мировоззрение, духовная культура, национальное самосознание, национальная идентичность.

The article considers the creativity of one of the brightest representatives of the Kalmyk literary emigration — Sanzhi Basanovich Balykov (1892–1943). The stories «The Crushed Tulip», «At the Hidden Wall» written in Russian are original especially in the artistic vision. Studying problems of people's lives "from within", national originality and traditional values of the national picture of the world was on the focus of the author's attention.

Keywords: Kalmyk literary emigration, national literature, world view, spiritual culture, national consciousness, national identity.

Изучение калмыцкого литературного зарубежья представляет собой актуальную проблему, что предопределяет многоаспектность исследовательского внимания. Р. А. Джамбинова в статье «Критерий исследования — научная этика» отмечает, что данная проблема разработана недостаточно полно в научной литературе. Можно только говорить, что наметилась тенденция ее научного изучения» [Джамбинова 2003: 150]. При этом основная причина ее умалчивания, как верно отмечает исследователь, кроется в идеологических принципах советского периода. «Только в 90-е гг. приоткрыли завесу над данной темой» [Джамбинова 2003: 150]. Однако в наши дни время вынужденного молчания миновало.

История калмыцкой литературной эмиграции берет начало в конце 1920-х — начале 1930-х гг. Число ее представителей

не столь велико. Среди них нужно назвать имя С. Балыкова, творчество которого представляет существенный научный интерес, и Г. М. Мушаева, малоизвестного калмыцкого поэта, волею судьбы и в силу определенных обстоятельств оказавшегося на чужбине. Ему принадлежит лишь один сборник стихотворений «Теегин салькн» («Степной ветер»), почти каждое из которых наполнено сокровенными думами о родине.

При фактической неразработанности проблематики калмыцкого национального зарубежья некоторые общие и частные вопросы все же были изучены и некоторые темы уже введены в научный оборот. Так, необходимо отметить кандидатскую диссертацию Б. А. Бичеева «Влияние письменных памятников и фольклора на развитие калмыцкой литературы (20–30 гг.)» — глава III «Литературная деятельность калмыц-

кой эмиграции (20–30 гг.)» [1991], монографию Р. А. Джамбиновой «Литература Калмыкии: проблема развития» — глава III «Калмыцкая литература как объект исследования» [Джамбинова 2003], а также статьи калмыцких, американских и российских исследователей: А. Борманжинова [1993, 2004], П. Э. Алексеевой [1995, 2006], Р. А. Джамбиновой [1993, 2003], А. А. Бурыкина [2006, 2006а]) и др. Следует отметить, что они, несмотря на свою немногочисленность, в совокупности закладывают основу для научного изучения указанной проблемы. В концепциях ученых, исследующих литературную проблематику калмыцкой эмиграции, встречаются сходные точки зрения, связанные именно с оценкой творчества Санжи Балыкова. Как бы то ни было, определены основные особенности творческой индивидуальности автора, обосновано его место в духовной культуре нации, осмыслены художественная специфика и проблематика прозаических произведений писателя (реалистичность изображения, отказ от догм и стереотипов, субъективность и объективность рассуждений, богатый национальный колорит его произведений).

С. Б. Балыков (1894–1943), писатель, общественно-политический деятель, публицист, один из видных представителей калмыцкой литературной эмиграции — незаурядная личность, человек сложной и интересной судьбы, оказавшийся в эмиграции во время Гражданской войны.

Книги далекого писателя-земляка стали появляться в Калмыкии с начала 1990-х гг. Так, благодаря усилиям народного поэта Калмыкии Е. А. Буджалова калмыцкому читателю стали известны две книги Балыкова — сборник рассказов «Сильнее власти» (Мюнхен, 1976), повесть «Девичья честь» (Мюнхен, 1983; Элиста, 1993), вызвавшая неподдельный интерес, и сборник рассказов «Воспоминания о Зюнгарском полку» (Элиста, 1993), отражающий воспоминания самого писателя, непосредственного участника событий Гражданской войны 1918–1920 гг. В 2013 г. вышла книга «Заламджа», а в 2014 г. — сборник «Сильнее власти». Все произведения написаны на русском языке.

Литературные произведения Санжи Балыкова созданы практически в один творческий период — в период Гражданской войны. Герои большинства его произведений — это люди, измученные бедами, уставшие от непримиримого жестокого противостояния

судьбе и истории, однако в их душах живут вера, любовь и человечность. Со страниц его повестей «встает» человек и заявляет о своем праве созидать, чувствовать, любить.

Специфичная особенность произведений Балыкова заключается в том, что все они подвергаются воздействию одного главного компонента — национального. В контексте сложного исторического опыта народа писатель уделяет особое внимание проблеме сохранения национальных традиций и обычаев в 1920–1930 гг. в условиях изоляции. Этой проблеме посвящены и многочисленные публицистические работы писателя — например, «О судьбе калмыцкой литературы», в которой автор драматически осмысляет судьбы калмыцкого письменного слова в условиях утраты родного языка и культуры и, как следствие, предупреждает о «полном исчезновении и окончательном растворении» калмыцкого народа [Балыков 2014: 44]).

Сюжеты рассказов «У незримой стены» и «Растоптанный тюльпан» различны, однако фабула и в том и в другом произведении остается неизменной.

Рассказ «У незримой стены» начинается с раздумий автора о событиях Гражданской войны, об исковерканных судьбах беженцев-калмыков, оторванных от родного очага. С особой болью здесь воплощена мысль о трагизме того времени, когда война, вступая в степные станицы и развертываясь на калмыцкой земле, размежевала калмыков по разным лагерям, внесла перемены в их сознание. Действующий в конфликте принцип — человек человеку волк — является признаком непримиримого жестокого противостояния.

Наряду с начальной социальной заостренностью рассказа, в «перерыве» борьбы между жизнью и смертью, добром и злом, светом и тьмой, возникает светлое человеческое начало, как весеннее половодье, сметающее безжизненные идеологические догмы. Вот что пишет об этом С. Балыков: «Человек — самое цепкое существо: куда ни кинь, как его ни пригни, а он все же найдет и радость у жизни оторвет» [Балыков 2014: 67]. Так, за небольшой картиной всеобщей беды в ходе событий гражданской войны в произведении возникает любовная тема, показанная автором сквозь призму национальных традиций.

Встреча двух главных героев, Оваджи и Аюша, происходит в тот момент, когда под-

воды с калмыками, бегущими от красных, остановились у моста. Затор, затянувшийся на несколько часов, остановил движение людей.

«Оваджа три дня не умывалась», — так начинает С. Балыков рассказ о своей героине, подчеркивая при этом ее «девичью стройность» и «живые черные внимательные глаза», огнем светящиеся на «крупном, энергичном смуглом лице» [Балыков 2014: 67]. Краткий портрет Оваджи в определенном смысле выражает суть ее характера — сильного, решительного, мужественного.

В веренице подвод с беженцами-калмыками,двигающимися с утра до вечера, девушка находилась с сестренкой и братишкой, которым с недавнего времени заменяла отца и мать. Однако в героине не чувствуется какой-то обреченности. Можно предположить, что Оваджа была скорее бойкой и веселой, нежели пугливой и дикой, какими традиционно представляли в литературе 1920-х гг. девушки-калмычки. За несколько часов остановки они с Аюшем быстро нашли общий язык и стали друзьями.

Не вдаваясь в подробности и детали жизни своих героев, Балыков не дает им определенной характеристики, переходя к стержневой в рассказе теме любви, противопоставленной долгу подчинения заветам предков.

Понравившейся девушке Аюш предлагает «объединиться»: соединить поклажи, «спаруя» [Балыков 2014: 68] двух лучших быков. «Спаренные вместе поклажи» — скорее всего, означает предложение Аюша быть отныне и всегда вместе. Однако, видя ее смущенную реакцию, он умело обращает это в шутку: «Знаете, что, Оваджа? У меня тоже один бык тянет из последних сил. Давайте спаруем лучших двух быков, а слабых поведем свободными за будкой, дадим отдохнуть, а потом счетверим. Одну повозку бросим, поклажи соединим. У вас двое малышей, у меня тоже. Вы пятеро будете ночевать в будке, а я буду проситься к другим на ночлег по другим будкам, где будет свободно. Хорошо?.. Тогда готово! Объединяемся!.. Ну, простите, больше не буду, как не пошутить в такое время?!» [Балыков 2014: 68].

Оваджа признается Аюшу, что он ей тоже понравился, и решает выйти за него замуж, что в определенном смысле не соответствует традиционному поведению

девушки-калмычки, а также морально-этическому кодексу калмыцкого народа, не позволяющему женщине столь открыто выражать свои чувства: «Об этом чего спрашивать?.. То и без слов видно. Нравитесь вы мне... Родителей нет, сама я глава дома теперь. За кого хочу, за того выйду... Да, то верно, время теперь такое, что выдержать все тонкости закона нельзя, дело можно провести проще...» [Балыков 2014: 68].

Конфликт рассказа разрешается несколько неожиданно. Оваджа предлагает Аюшу остаться вместе, но жить не как муж и жена, а как брат и сестра, помогая и поддерживая друг друга, ибо Бог, вероятно, и свел их для этого. Оба они остались сирыми, слабыми и беззащитными, да еще и с малышами на руках. Оваджа, так как она на год старше, будет старшей сестрой, он — младшим братом.

Из контекста разговора героев можно понять, что если девушка стоит на стороне строгих калмыцких обычаев, то Аюш, несмотря на традиционные нормы и реалии, из которых исторически складывалась жизнь народа, пытается уговорить Оваджу не смиряться с вековыми обычаями. Однако она отказывает ему: «...Застегни накрепко в своем сердце: между нами непроломная, незримая стена, ее же никакое сердце не переключит!.. Я твоя сестра, а ты — мой брат» [Балыков 2014: 69].

По законам калмыков, если жених и невеста принадлежали одной «кости», то они являются кровными родственниками. Такие браки не допускались. Вот как этот факт интерпретирует сам Санжи Балыков: «У калмыков есть слово «ясн» («кость»), устанавливающее далекое происхождение данного лица. В далеком прошлом калмыцкий народ делился на множество племен, родов. Каждый имел свое название. Со временем эти роды и племена слились в один род, но их название осталось, как указатель, к какому племени прежде принадлежали предки данного калмыка. Первым словом при знакомстве является вопрос: «Какой кости?». Все люди, происходящие от одной «кости», считаются кровными родственниками и, во избежание кровосмешения, между людьми одной «кости» строго воспрещены браки» [Балыков 2014: 68].

Это препятствие между женихом и невестой, о котором говорит писатель в своем рассказе, называлось «цусен харш», —

т. е. несоответствие по крови. «Результат его только один — смерть кого-нибудь из супругов, иначе не будет никакого успокоения в семье. Все время в такой семье должны быть несчастья, болезни, раздоры и прочее. Если такие лица были случайно женаты, то выходом из положения является развод» [Душан 1976: 27]. Именно поэтому Оваджа отклоняет попытку молодого человека повлиять на нее, поражаясь его дерзости и глупости.

Как знаток калмыцких традиций и обычаев, писатель понимает, что вся жизнь человека, по сути, зиждется на нормах духовного опыта, завещанного предками. Начало другого произведения Балыкова — «Растоптанный тюльпан» — также сразу настраивает читателя на то, что сюжет, вероятно, будет строиться на строгой приверженности и почитании заветов предков, связанных с влиянием буддизма.

Центром конфликта является столкновение настоящей любви и необходимостью соблюдения национальных традиций. Главные герои рассказа — Арслан и Зандана, детство которых прошло в «безмятежной дружбе», — искренне любят друг друга, однако «звезды» складываются против них: Арслану «не подошли года» возлюбленной. Заветная мечта обоих быть «друзьями жизни» рухнула. Вскоре девушку засватал Очир, «имеющий счастье родиться в год Собаки» [Балыков 2014: 74]. По буддийскому циклическому календарю, брак с ним для Занданы оказался благоприятным.

Сопоставление главных героев выявляет разницу в их поведении, при этом их характеры автором созданы достоверно. Так, Арслан выписан живо и притягательно. Автор заставляет его постоянно думать, рассуждать. Он — человек искренний, честный, открытый, воспитанный на обычаях своего народа. Однако любовь к Зандане вынуждает его до последнего сопротивляться традициям. На протяжении трех лет он отстаивал свое счастье и свой выбор вопреки неблагоприятным «предсказаниям». И даже когда Зандана была уже чужой женой, сила любви каждый раз подталкивала его перешагнуть через «волю свыше», через «скалу» традиций, но он понимал, что совершенно бессилен. Сохраняя целомудрие, она отклоняет все попытки Арслана повлиять на нее, считая, что их любовь не имеет право на существование.

В отличие от героини рассказа «У незримой стены» Оваджи проявление чувств Занданы к молодому человеку выражено не открыто, а завуалированно, словами песни, которая отчасти передает и содержание идеи произведения: «Если есть доля, отпущенная Создателем, то можно сделать друзьями жизни» [Балыков 2014: 72]. Однако в кульминационном моменте повествования девушка уже открыто говорит о своей любви к Арслану, что не соответствует традиционному поведению замужней женщины-калмычки, а также кодексу морально-этического кодекса народа, не позволяющему столь открыто выражать свои чувства.

В кульминации рассказа звучит лирическая исповедь героини. Уставшая от долгих и упорных ухаживаний Арслана, от борьбы с самой собой, Зандана умоляет его больше не преследовать ее, поясняя, что, если он «введет ее в этот грех» [Балыков 2014: 81], то она возненавидит и его, и себя. В этот момент на Арслана нисходит «просветление», а главное, понимание того, как «разно» они с ней «воспринимают свет» [Балыков 2014: 81].

Развязка сюжета наступает неожиданно быстро. Зандана находит в себе силы и мужество предложить самой найти для возлюбленного невесту, взяв с него слово подчиниться ей. Подвиг самоотречения, на который пошла героиня, придает ее характеру масштаб, значение нравственной силы и правоты. Будущей супругой Арслана, по желанию Занданы, станет шестнадцатилетняя сиротка Зельмя, «девочка умная, строгая» [Балыков 2014: 82], которую она сама любила как сестру.

В рассказе ощущается постоянное присутствие писателя и его неоднозначное отношение к описанным обстоятельствам. С одной стороны, он искренне сопереживает своим героям, с другой же, несмотря на настоящую любовь, для которой не существует преград, писатель, тем не менее, защищает национальную самобытность и традиционные нравственные ценности. Именно поэтому из двух героев автор отдает явное предпочтение Зандане, и авторская позиция в тексте выражается через нее. Образ этой героини является как бы художественной проекцией авторского эстетического сознания. Передавая через нее традиционные народные воззрения, он не только помогает глубже понять уклад жизни калмыков, но и в определенном смысле воплощает основ-

ную идею произведения, выступая за сохранение жизненного опыта предков. В отличие от Арслана Зандана не поднимается над обстоятельствами, не борется с ними, а напротив, покорно смиряется с выпавшей ей судьбой. Кроме того, миропонимание героини связано с системой верований калмыков.

Нравственно-религиозный мотив проявляется в кульминации рассказа. Зандана объясняет, что если она совершит тот грех, на который ее склоняет Арслан, то этот поступок обернется против ее мужа, который находится на войне. Согласно буддийскому вероучению, все действия человека имеют последствия, формируя карму, которая может быть как положительной, так и отрицательной. За совершенное (причиненное) зло придется ответить. Забвение же этой нормы грозит обернуться большим несчастьем: «... Ведь мой муж на войне; я молиться за него должна и безгрешно себя вести, чтобы его боги сохранили живым, а ты меня на такой великий грех толкнешь! Если я сделаю плохое, и мой грех принесет несчастье моему мужу на войне, я тогда себя убийцей буду считать... И себя возненавижу, и тебя тоже, если ты введешь меня в грех» [Балыков 2014: 81]. В этот момент в сознании Арслана совершается перелом, открывающий возможность познания истины. Он понимает, насколько «разно» они с Занданой «воспринимают мир», дает слово навсегда оставить ее в покое и постараться заглушить свою любовь.

Таким образом, герои Балыкова не выходят за черту дозволенного, сохраняя уважение и почитание народных традиций, определяющих их поведение, поступки и предопределяющих, в конце концов, их

дальнейшую жизнь. И даже настоящая любовь «не опрокидывает» эти пределы. Этот принцип сближает рассказы «У незримой стены» и «Растоптанный тюльпан», являясь основополагающим и в большинстве других произведений С. Балыкова, связанных с любовной тематикой («Любовь опоясанная», «Изгибы» и др.). Движущей силой конфликта при этом становится чистая, настоящая любовь героев, противопоставленная долгу подчинения заветам предков, необходимости следовать старинным обычаям. Жизненные пути героев расходятся. Они оказываются во власти судьбы и «предписанного богами закона» [Балыков 2014: 74].

В фокусе авторского художественного внимания прежде всего оказывается исследование «изнутри» проблем народной жизни, национальной самобытности и традиционных нравственно-религиозных ценностей. В рассмотренных произведениях С. Балыкова организующим компонентом является единое художественное начало: герои повествования словно ощущают связь времен. Несмотря на настоящую любовь, для которой, казалось бы, не существует преград, они, тем не менее, встают на сторону традиционных ценностей, покорно смиряясь с выпавшей судьбой. В художественном сознании писателя, выстроенном по координатам национального космоса, доминирует мысль о соблюдении и сбережении национальных обычаев, культурной традиции, завещанных предками, выражающая душу калмыцкого этноса и утверждающая формулу народной этики. Так выстраивается «неутраченная идентичность» (К. К. Султанов) писателя С. Балыкова, проявляемая на уровне мышления и поступков его героев.

Литература

- Алексеева П. Э. Санджи Балыков — яркий представитель калмыцкого зарубежья // Теегин герл. 2006. № 1. С. 65–74.
- Алексеева П. Э. Вдали от родины // Теегин герл. 1995. № 8. С. 75–80.
- Балыков С. Б. Сильнее власти. Подольск: Мемориал-Музей «Донские казаки в борьбе с большевиками», 2014. 256 с.
- Балыков С. Б. Заламджа: повести и рассказы / сост. Е. С. Ремилева. Подольск: Мемориал-Музей «Донские казаки в борьбе с большевиками», 2013. 312 с.

- Балыков С. Б. Сильнее власти: сборник рассказов. Мюнхен, 1976. 137 с.
- Балыков С. Б. Девичья честь: Историко-бытовая повесть. Элиста: АПП «Джангар», 1993. 283 с.
- Балыков С. Б. Девичья честь. Мюнхен, 1983. 236 с.
- Бичеев Б. А. Влияние письменных памятников и фольклора на развитие калмыцкой литературы (20–30 гг.), глава III. Литературная деятельность калмыцкой эмиграции (20–30 гг.): автореф. ...канд. филол. наук. М., 1991. 18 с.

- Борманжинов А. Санжи Балыков* // Теегин герл. 2004. № 4. С. 65–69.
- Борманжинов А. Санжи Балыков. Краткий очерк жизни и литературной деятельности* // Балыков С. Б. Девичья честь: Историко-бытовая повесть. Элиста, 1993. С. 270–278.
- Бурыкин А. А. Донские диалектизмы и южнорусская лексика в языке русскоязычной прозы калмыцкого писателя Санжи Балыкова* // Путь к родному слову. Сборник научных статей к 60-летию профессора Р. П. Кудрявцева. Волгоград: Изд-во ВГПУ. Библ. «Перемена», 2006. С. 52–62.
- Бурыкин А. А. Калмыцкие слова, южно-русская лексика и калмыcko-русское двуязычие как средство создания этнического и регионального колорита в русскоязычной калмыцкой литературе (на материале творчества С. Балыкова)* // Русская речь в национальном окружении: сб. науч. тр. / под ред. Т. С. Есеновой и др. Элиста: Изд-во Калм. ун-та, 2006а. Вып. III. С. 109–130.
- Джамбинова Р. А. Шаги духовного примирения: к 100-летию писателя Санджи Балыкова* // Теегин герл. 1993. № 5. С. 91–104.
- Джамбинова Р. А. Критерий исследования — научная этика* // Литература Калмыкии: проблемы развития. Элиста: АПП «Джангар», 2003. С. 150–161.
- Душан У. Д. Обычаи и обряды дореволюционной Калмыкии* Этнографический сборник. Элиста, 1976. Вып. I. С. 5–88.
- Alekseeva P. E. Far from Motherland. Teegin gerl.* 1995. No. 8. Pp. 75–80. (In Russ.)
- Alekseeva P. E. Sandzhi Balykov — a brightest Kalmyk expatriate. Teegin gerl.* 2006. No. 1. Pp. 65–74. (In Russ.)
- Balykov S. B. [Stronger than Power: Collected Short Stories].* Munich, 1976. 137 p. (In Russ.)
- Balykov S. B. [Stronger than Power].* Podolsk: Struggle of Don Cossacks against Bolsheviks (Memorial Museum), 2014. 256 p. (In Russ.)
- Balykov S. B. [The Maiden's Honor: a Historical and Household Novel].* Elista: Dzhangar, 1993. 283 p. (In Russ.)
- Balykov S. B. [The Maiden's Honor].* Munich, 1983. 236 p. (In Russ.)
- Balykov S. B. [Zalamdzha: Novels and Short Stories].* E. S. Remileva (comp.). Podolsk: Struggle of Don Cossacks against Bolsheviks (Memorial Museum), 2013. 312 p. (In Russ.)
- Bicheev B. A. Chapter 3: Literary activities of Kalmyk émigrés, 1920s – 1930s. In: [Kalmyk Literature of the 1920s – 1930s: Influence of Written Monuments and Folklore].* Cand.Sc. (philology) thesis abstract. Moscow, 1991. 18 p. (In Russ.)
- Bormanzhinov A. Sanzhi Balykov. Teegin gerl.* 2004. No. 4. Pp. 65–69. (In Russ.)
- Bormanzhinov A. Sanzhi Balykov: a brief review of life journey and literary career. In: Balykov S. B. [The Maiden's Honor: a Historical and Household Novel].* Elista: Dzhangar, 1993. Pp. 270–278. (In Russ.)
- Burykin A. A. Don dialecticisms and South Russian lexemes in Russian-language prose of Sanzhi Balykov. In: [A Path to the Mother-Tongue Word].* Coll. papers. Volgograd: Volgograd State Pedagogical University (Ser. 'Peremena'), 2006. Pp. 52–62. (In Russ.)
- Burykin A. A. Russian-language Kalmyk literature: Kalmyk words, South Russian lexemes and Kalmyk-Russian bilingualism as means to create ethnic and regional features (a case study of S. Balykov's works). In: [Russian Speech in Nin-Russian Environment].* Coll. papers. T. S. Esenova et al. (eds.). Elista: Kalmyk State University, 2006. Vol. III. Pp. 109–130. (In Russ.)
- Dushan U. D. [Customs and Rituals of Pre-Revolutionary Kalmykia: Ethnographic Collection].* Elista, 1976. Vol. 1. Pp. 5–88. (In Russ.)
- Dzhambinova R. A. Research criterion — scientific ethics. In: [Literature of Kalmykia: Problems of Development].* Elista: Dzhangar, 2003. Pp. 150–161. (In Russ.)
- Dzhambinova R. A. Steps towards a spiritual reconciliation: celebrating the 100th anniversary of Sandzhi Balykov's birth. Teegin gerl.* 1993. No. 5. Pp. 91–104. (In Russ.)